

ПРАВДА и ЛОЖЬ КОММУНИЗМА

(Къ пониманію религіи коммунизма)

I.

До сихъ поръ отношеніе къ коммунизму опредѣлялось болѣе эмоціонально, чѣмъ интеллектуально. Психологическая атмосфера была очень неблагопріятна для пониманія идейнаго міра коммунизма. Въ русской эмиграціи коммунизмъ вызывалъ противъ себя страстную аффективную реакцію людей раненыхъ. Слишкомъ многіе, на вопросъ, что такое коммунизмъ, могли бы отвѣтить: это моя разбитая жизнь, моя несчастная судьба. Въ Западной Европѣ отношеніе къ коммунизму опредѣляется или буржуазнымъ испугомъ и буржуазной реакціей міра капиталистическаго или поверхностнымъ большевизанствомъ интеллектуаловъ, въ значительной степени снобистическомъ. Но почти никто не принималъ въ серіозъ самой идеологіи коммунизма, самой коммунистической вѣры. Когда-то самый замѣчательный русскій философъ XIX вѣка и философъ-христіанинъ Владиміръ Соловьевъ сказалъ: чтобы побѣдить ложь социализма, нужно признать правду социализма. Ту же истину нужно повторить и о коммунизмѣ, который есть одна изъ крайнихъ формъ социализма. Въ коммунизмѣ есть великая ложь, ложь антихристіанская, но

въ немъ есть и большая правда и даже много правдъ. Въ коммунизмъ есть много правдъ, которыя можно было бы формулировать въ рядъ параграфовъ, и всего одна ложь. Но эта ложь такъ велика, что она перевѣшиваетъ всѣ правды и искажаетъ ихъ. Для христіанъ коммунизмъ долженъ имѣть совсѣмъ особенное значеніе — онъ есть обличеніе и напоминаніе о неисполненномъ долгѣ, о неосуществленной христіанской задачі. Христіанская правда не осуществила себя въ полнотѣ жизни и въ силу таинственныхъ путей Божьяго Промысла злыя силы берутъ на себя осуществленіе правды. Въ этомъ духовный смыслъ всѣхъ революцій, въ этомъ ихъ таинственная діалектика. Христіанское «добро» стало слишкомъ условно - риторическимъ и осуществленіе нѣкоторыхъ элементовъ этого «добра», провозглашеннаго въ идеѣ, но очень плохо реализованнаго на практикѣ, совершается въ страшной реакціи противъ христіанства. Грѣхъ и низость христіанъ, вѣрнѣе лже-христіанъ, заслонили и затемнѣли ослѣпительный свѣтъ христіанскаго откровенія. Почти всю новую исторію христіанскій міръ былъ пораженъ дуализмомъ, христіане жили въ двухъ ритмахъ, ритмѣ религіозномъ, церковномъ, который охватывалъ небольшое количество дней и часовъ ихъ жизни, и ритмѣ мірскомъ, внѣрелигіознымъ, который охватывалъ большую часть ихъ дней и часовъ. И большая часть жизни христіанъ была не освѣщена и не освящена Христовой истиной. Наиболѣе неоправданной, наиболѣе непросвѣтленной оставалась жизнь хозяйственная, жизнь соціальная, которая оказалась предоставленной собственному закону. Хозяйственная жизнь капиталистическихъ обществъ не подчинена никакому высшему религіозному и нравственному началу. Марксъ былъ правъ, когда говорилъ, что капиталистическое общество есть общество анархическое. Въ немъ жизнь цѣлаго

опредѣляется игрой частныхъ интересовъ. И нѣтъ ничего болѣе противоположнаго духу христіанства, чѣмъ духъ капиталистическаго общества. Не случайно капиталистическая эпоха совпала съ отступничествомъ отъ христіанства и съ ослабленіемъ христіанской духовности. Идея же коммунизма, который въ наши дни гонитъ и преслѣдуетъ всѣ религіи и всѣ церкви, религіознаго и даже христіанскаго происхожденія. Не всегда коммунизмъ былъ матеріалистическимъ и атеистическимъ, въ прошломъ онъ былъ религіозно и спиритуалистически окрашенъ. Нужно помнить, что первымъ коммунистомъ, начертавшимъ коммунистическую утопію, былъ Платонъ, что существовалъ коммунизмъ первохристіанскій, основанный на Евангеліи, что существовалъ религіознаго типа коммунизмъ въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи, что авторъ «Утопіи» Томасъ Моръ причисленъ католической церковью къ лику блаженныхъ, что коммунистическія и социалистическія теченія въ первую половину XIX вѣка во Франціи носили спиритуалистическій и даже религіозный характеръ, хотя и очень расплывчатый и неопредѣленный. Самое слово коммунизмъ происходитъ отъ слова коммуніонъ, общность, взаимопріобщенность. Такой коммуніонъ, взаимопріобщенность, духовная общность людей предполагаетъ пріобщеніе ихъ къ единому, высшему источнику жизни, къ Богу. Лишь въ Богѣ и въ Христѣ достигается общность людей, подлинный коммуніонъ. Братство возможно лишь по Единому Отцу. Современные коммунисты хотятъ достигнуть общности черезъ внешне механическую, принудительную организацію общества(*). Но сама идея коммуніона, общности людей, т. е.

*) Нѣмецкій социологъ Тенніасъ дѣлаетъ плодотворное различіе между *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*, но онъ остается на почвѣ натуралистической социологіи.

коммунизма въ глубокомъ смыслѣ слова есть великая и вѣковѣчная мечта человѣчества.

Трагично то, что коммунизмъ матеріалистической легче осуществить, чѣмъ коммунизмъ христіанскій. Коммунизмъ матеріалистической можно пытаться осуществить путемъ насилія и принужденія, не считаясь съ духовной свободой людей и съ ихъ грѣховностью. Такимъ путемъ нельзя достигнуть духовной общности, но можно создать новую организацію общества. Христіанство же признаетъ духовную свободу и потому не можетъ вѣрять въ насильственную организацію общности. Когда христіанство пыталось организовать общность по типу средневѣковой теократіи, игнорируя свободу, оно сорвалось и замыселъ былъ обреченъ на неудачу. Христіанство признаетъ цѣнность человѣческой личности и не можетъ организовать общества, унижающаго и отрицающаго личность. Матеріалистической коммунизмъ отрицаетъ цѣнность и значеніе человѣческой личности. И этимъ задача для него очень облегчается. Когда коммунисты обвиняютъ христіанство въ томъ, что оно не реализовало себя въ жизни и не принесло человѣчеству избавленія отъ зла и страданія, то они не видятъ и не понимаютъ самаго главнаго — свободы человѣческаго духа, невозможности внѣшне и механически, принудительно организовать совершенное общество и уничтожить грѣхъ. Но вѣрно то, что грѣху, обнаруживающему себя въ соціальной жизни, долженъ быть положенъ какой-то предѣлъ и воля христіанъ должна быть направлена на преображеніе общества въ духъ Христовомъ. Лицемѣренъ и лживъ тотъ аргументъ консервативнаго и буржуазнаго христіанства, что преобразовать и улучшить человѣческое общество, осуществлять въ немъ бѣольшую справедливость невозможно вслѣдствіе грѣховности человѣческой природы. Въ дѣйствительности преобразование и улуч-

шеніе человѣческаго общества, осуществленіе въ немъ бѣльшей справедливости необходимо совсѣмъ не потому, что мы оптимистически смотримъ на человѣческую природу и исповѣдуемъ руссоизмъ, а именно потому, что мы пессимистически смотримъ на человѣческую природу и считаемъ необходимымъ установленіе порядка, ограничивающаго соціальное проявленіе грѣха. Именно буржуазная идеологія, породившая капитализмъ, была оптимистична и вѣрила въ естественную гармонію, проистекающую изъ игры частныхъ интересовъ. Коммунизмъ и быть можетъ міровой коммунизмъ окажется возможнымъ совсѣмъ не вслѣдствіе безгрѣшности человѣческой природы, а именно вслѣдствіи ея грѣховности. И общество будетъ радикально переустроено силами самаго грѣха, если правда не захочетъ его переустроить. Утопіи гораздо болѣе осуществимы, чѣмъ это до сихъ поръ думали. Утопію отлично можетъ осуществлять самый грѣхъ. Но вина и отвѣтственность за зло, которое отсюда произойдетъ, будетъ лежать на «добрѣ», превратившемся въ риторику, и на «добрахъ», которыя умѣли судить другихъ, но потеряли способность судить себя. Коммунизмъ въ его зловѣщемъ и безбожномъ образѣ есть рокъ «христіанскихъ» обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніе, судъ, который эти общества не хотѣли произвести надъ собой и который будетъ произведенъ надъ ними. И потому такъ трудно въ коммунизмѣ различить правду отъ лжи.

Не русскому народу принадлежитъ честь изобрѣтенія коммунизма, онъ полученъ имъ съ Запада. Но безспорно ему принадлежатъ честь перваго воплощенія его въ жизнь. И вотъ мы стоимъ передъ вопросомъ, въ чемъ привлекательность коммунизма, почему онъ такъ заразителенъ, почему онъ идейно побѣдилъ въ русской революціи, почему символика коммунизма движетъ массами,

вызываетъ энтузіазмъ? (*). Понять это невозможно, если смотрѣть на коммунизмъ исключительно какъ на политическое и экономическое явленіе и подвергать его рациональной критикѣ съ точки зрѣнія политическихъ и экономическихъ теорій. Коммунизмъ, и какъ теорія и какъ практика, есть не только социальное, но также и духовное и религиозное явленіе. И коммунизмъ страшенъ именно, какъ религія. Какъ религія противоположенъ онъ христіанству и хочетъ замѣнить его. Какъ социальная система, коммунизмъ могъ бы быть религиозно нейтраленъ. Подобно религіи коммунизмъ несетъ съ собой цѣлостное отношеніе къ жизни, рѣшаетъ всѣ основные вопросы жизни, претендуетъ дать всему смыслъ, имѣетъ свои догматы и свою догматическую мораль, издаетъ свои катехизисы, имѣетъ даже зачатки своего культа, онъ захватываетъ всю душу и вызываетъ энтузіазмъ и жертвенность. Коммунизмъ въ отличіи отъ большей части политическихъ партій не признаетъ секуляризованной, отдѣленной отъ цѣлостнаго міросозерцанія политики. Въ нечеловѣческой активности коммунизма мы встрѣчаемся какъ-бы съ переключеніемъ энергіи, накопленной въ человѣческой душѣ длительнымъ религиознымъ процессомъ. На служеніе безбожной и антихристіанской идеи коммунизма идетъ религиозная энергія души. Если-бы коммунистамъ удалось путемъ антирелигиозной пропаганды окончательно вырвать изъ человѣческой души религиозное чувство, вѣру и готовность жертвовать во имя своей вѣры, то они сдѣлали бы невозможной и вѣру въ коммунизмъ, они подорвали бы собственное существованіе и никто не пожелалъ бы уже нести жертвъ во имя коммунистической идеи. Такъ

*) Лишь въ самой первой стадіи революціи популярность коммунизма можно объяснить тѣмъ, что онъ лститъ массамъ, потворствуетъ ихъ интересамъ и настроеніямъ, призывая «грабить награбленное».

и во имя антихристіанской идеи пользуются христіанской формаціей души, христіанской способностью къ вѣрѣ и къ жертвѣ. Съ горемъ приходится признать, что сами христіане буржуазнаго періода исторіи обнаружили гораздо меньше энергии и жертвоспособности, чѣмъ коммунисты. Образы великихъ святыхъ и подвижниковъ были оттѣснены въ далекое прошлое. Христіанство переживало не героическій, упадочный періодъ и этимъ подготавливало успѣхи коммунизма. Искреннее и беззаветное увлеченіе совѣтской молодежи коммунизмомъ есть безспорный фактъ, котораго никакъ скрыть нельзя. Это мы видимъ въ той энергіи, которую добровольно вкладываетъ молодежь въ осуществленіе пятилѣтняго плана.

Теоретически коммунизмъ есть марксизмъ. Марксизмъ есть обязательная символика коммунистической партіи. Можно ли понять увлеченіе коммунистической идеей изъ марксизма, хорошо извѣстнаго на Западѣ? На томъ же марксизмѣ базируется нѣмецкая соціалъ-демократическая партія и мы видимъ въ ней очень мало энтузіазма и жертвенности. Это партія дѣловая и умѣренная, очень мало напоминающая религіозное движеніе, совсѣмъ не фанатическая. Сложность и трудность пониманія русскаго коммунизма со стороны коренится въ томъ, что онъ есть и интернаціональное міровое явленіе и явленіе національно-русское. Въ немъ раціоналистическая доктрина марксизма преломилась въ ирраціональной русской стихіи и деформировалась. Мы отчасти встрѣчаемся тутъ съ феноменомъ, который повторяется во всѣхъ большихъ революціяхъ. Революціи создаются ирраціональными стихійными силами, онѣ порождаются изъ темнаго подсознательнаго народной жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ революціи всегда ставятъ себѣ задачи раціонализаціи жизни и становятся подъ знакъ раціональной доктрины, приобрь-

тающей характеръ условной символики въ борьбѣ. Французская революція тоже вѣдь вдохновлялась рационалистической просвѣтительной философiей XVIII вѣка, но въ ней дѣйствовали демоническія ирраціональныя силы. Русская коммунистическая революція въ максимальной степени ставитъ себѣ задачи совершенной раціонализаціи жизни вплоть до изгнанія изъ нея всякаго ирраціональнаго элемента и всякой тайны. Но въ ней же въ максимальной степени дѣйствуютъ ирраціональныя демоническія стихiи, для которыхъ раціоналистическая доктрина есть лишь условная символика. И совсѣмъ не раціоналистическіе, не объективно-научные элементы марксизма дѣйствуютъ въ русскомъ коммунизмѣ, а элементы мифотворческие и религіозные. Своеобразное сочетаніе раціональнаго и ирраціональнаго элемента въ русской революціи послужило поводомъ къ возникновенію легенды о различіи между большевизмомъ и коммунизмомъ, популярной въ народной средѣ, крестьянской, рабочей, мѣщанской. Большевизмъ считается явленіемъ чисто русскимъ, народнымъ, разливомъ русской народной революціи, буйной и анархической, а коммунизмъ явленіемъ иностраннымъ, пришедшимъ со стороны и наложившимъ на русскую народную революцію оковы раціональной организаціи. Этому терминологически условному различенію соотвѣтствуетъ реальное различеніе ирраціональныхъ и раціональныхъ элементовъ въ революціи. Но революціонная идея всегда заключаетъ въ себѣ элементъ раціональный. Раціональный элементъ взять изъ марксизма. И вотъ вопросъ: что въ марксизмѣ можетъ поднять и вдохновить массы на огромное и сильное движеніе?

II.

Въ основаніи марксизма лежитъ теорія экономического или исторического матеріализма, согласно которой весь историческій и соціальный процессъ опредѣляется экономикой, развитіемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ, формами производства и обмѣна. Экономика есть «базисъ» всей жизни, ея первичная и подлинная реальность, все же остальное, вся «идеологія», духовная жизнь, религіозныя вѣрованія, философія, мораль, искусство, вся культура, въ которой человѣкъ видѣлъ цвѣтъ жизни, есть «надстройка», эпифеномень, обманчивое и иллюзорное отраженіе въ сознаніи реальныхъ экономическихъ процессовъ. Объ огромномъ значеніи экономики, т. е. степени побѣды соціально организованнаго человѣчества надъ стихійными силами природы, не одинъ Марксъ говорилъ, до него говорили объ этомъ историки и утопическіе социалисты, напр. Сень-Симонъ, во многомъ предвосхитившій Маркса. Но Марксъ придалъ этому характеръ универсальной экономической метафизики. И Марксъ связалъ эту экономическую метафизику или онтологію, т. е. ученіе о сущности бытія, о первореальности, съ ученіемъ о классовой борьбѣ, которая и является его геніальнымъ «открытіемъ», вѣрнѣе «откровеніемъ». И о классовой борьбѣ говорила до Маркса болѣе скромная историческая наука, но только Марксу принадлежитъ ученіе о мессіанствѣ пролетаріата. Сама по себѣ теорія экономического матеріализма никого не могла бы вдохновить. Ученіе о томъ, что вся жизнь человѣческая детерминирована экономическими процессами, есть скорѣе печальное ученіе, отъ котораго могли бы руки опуститься. Но Марксъ совсѣмъ не ограничивается этой печальной истиной. Онъ пессимистъ въ отношеніи къ прошлому, которое окрашивается для него въ исключительно темный цвѣтъ,

но онъ оптимистъ въ отношеніи къ будущему, которое окрашивается для него въ исключительно свѣтлый цвѣтъ. Марксъ и Энгельсъ учатъ о скачкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы. Это лишь въ прошломъ было царство необходимости, детерминированности экономикой. Въ будущемъ будетъ царство свободы, социальный разумъ окончательно побѣдитъ всѣ ирраціональныя, стихійныя силы природы и общества и социальный человѣкъ станетъ могущественнымъ царемъ вселенной. Въ чудовищномъ противорѣчии со своимъ матеріализмомъ Марксъ вѣритъ въ діалектику, полученную по наслѣдству отъ Гегеля. Онъ вѣритъ, что діалектическій процессъ черезъ зло неизбежно приведетъ къ добру, черезъ бессмыслицу приведетъ къ торжеству смысла. Діалектика у Гегеля связана съ панлогизмомъ: въ діалектикѣ неотвратимо торжествуетъ логосъ, смыслъ. Мировой процессъ діалектиченъ у Гегеля потому, что онъ есть процессъ логическій, самораскрытіе понятія. Діалектика частей возможна лишь вслѣдствіе ихъ погруженія въ логическое лоно цѣлаго. Нѣтъ никакой возможности перевести панлогистическую діалектику на матеріалистическій языкъ, ибо матерія не знаетъ логоса и торжества смысла. Но Марксъ утверждаетъ матеріалистическую діалектику и это возможно у него лишь потому, что онъ вноситъ панлогизмъ въ нѣдры самой матеріи, въ матеріальный экономическій процессъ. Марксъ вѣритъ, что матеріальный экономическій процессъ черезъ борьбу противоположныхъ силъ приведетъ къ торжеству смысла, разума, логоса, къ царству свободы, къ порядку, къ побѣдѣ надъ необходимостью, порожденной стихійными, ирраціональными природными силами. Это есть безумная вѣра, ибо остается непонятнымъ, почему стихійный матеріальный экономическій процессъ не приведетъ къ торжеству окончательной бессмыслицы, рабству

и тьмѣ. Стихійный матеріальный процессъ самъ по себѣ ирраціоналенъ и никакого торжества разума не можетъ гарантировать. Но Марксъ видитъ впереди совершенное коммунистическое общество, которое и будетъ самымъ воплощеннымъ разумомъ, справедливостью и порядкомъ, въ немъ не будетъ уже ничего ирраціональнаго, ничего несправедливаго, жизнь будетъ окончательно раціонализирована, панлогизмъ восторжествуетъ. Въ Марксѣ мы находимъ изумительное сочетаніе остраго ощущенія и сознанія яростной борьбы демоническихъ ирраціональныхъ, полярныхъ силъ въ исторіи, напоминающую ярость полярныхъ силъ, которую Беме видѣлъ въ космической жизни, съ абсолютнымъ убѣжденіемъ въ побѣдѣ разума, смысла, справедливости, порядка, организаціи въ соціальной жизни. Въ немъ привлекаетъ это непостижимое сочетаніе демоническаго соціального ирраціонализма съ соціальнымъ панлогизмомъ, темное пониманіе прошлаго съ лучезарнымъ пониманіемъ будущаго. И лучезарное будущее оказывается неотвратимымъ, неизбежнымъ, царство свободы оказывается детерминированнымъ. Въ будущемъ совсѣмъ уже не стихійная экономическая основа опредѣляетъ жизнь человѣческихъ обществъ, а овладѣвшій всѣми стихіями соціальныи разумъ. Діалектика матеріальнаго процесса ведетъ неотвратимо къ царству Божьему на землѣ, хотя и безъ Бога, къ царству свободы, справедливости, мощи. Сама по себѣ теорія экономическаго матеріализма энтузіазма вызвать не могла бы, она осталась бы одной изъ научныхъ гипотезъ. Энтузіазмъ вызываетъ мессіанская вѣра Маркса. И эта мессіанская вѣра находитъ свое окончательное выраженіе въ идеѣ мессіанскаго призванія пролетаріата. Та сторона марксизма, которая обращена къ грядущему соціалистическому обществу и къ великому призванію пролетаріата, ничего общаго

съ наукой не имѣеть, это есть вѣра, «вещей обличеніе невидимыхъ». «Пролетаріатъ» Маркса и совершенное соціалистическое общество — «невидимыя вещи», предметъ вѣры. Тутъ мы встрѣчаемся съ идеей религіознаго порядка.

Для Маркса въ основѣ историческаго процесса лежатъ не только экономика, развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ, что само собою не могло бы вызвать особенныхъ страстей, но и классовая борьба. Вся яростность марксизма вызвана этой идеей классовой борьбы. Это есть субъективная сторона марксизма, съ ней связана его аксіология. И несомнѣнно само понятіе класса у Маркса аксіологическое, оцѣночное. Различіе между «пролетаріатомъ» и «буржуазіей» невольно оказывается совпадающимъ съ различіемъ между «добромъ» и «зломъ». Сознательно Марксъ остается совершеннымъ имморалистомъ, но его ученіе о классовой борьбѣ насквозь моралистично. И морализмъ этотъ очень своеобразный, отрицательный. Нѣтъ добра и справедливости, но есть зло и несправедливость. И зло и несправедливость вызываетъ негодованіе и ненависть. Для Маркса существуетъ первоуродный грѣхъ, лежащій въ первоосновѣ человѣческаго общества. Это есть грѣхъ эксплуатаціи человѣка человекомъ, который всегда принимаетъ формы эксплуатаціи класса классомъ. Понятію «эксплуатаціи» Марксъ хочетъ придать чисто экономическій характеръ. Съ этимъ связана теорія прибавочной стоимости, которая отымается у трудящихся и присваивается эксплуатирующими классами. Но философски безспорно, что понятіе эксплуатаціи не можетъ быть чисто экономическимъ, оно неизбѣжно этическое. Когда мы говоримъ, что происходитъ эксплуатація, мы производимъ нравственную оцѣнку. При имморалистическомъ отрицаніи различіе между добрымъ и зломъ непонятно, почему эксплуатація человѣка человекомъ вызываетъ

возмущеніе и осужденіе, какъ несправедливость. Марксизмъ есть крайняя форма детерминистическаго міросозерцанія, презирающаго всякія нравственныя оцѣнки. Нравственной свободы для него не существуетъ. И тѣмъ не менѣе въ основѣ его лежитъ идея первороднаго грѣха. Этотъ первородный грѣхъ заражаетъ всю міровую исторію, всѣ классы общества, имъ искажены всѣ человѣческія вѣрованія и всѣ идеологіи. Грѣхъ эксплуатаціи закрываетъ возможность познанія истины и создаетъ иллюзорныя ученія, поддерживающія этотъ грѣхъ. Въ сознаніи иллюзорно отражается экономическая дѣйствительность — такая основная идея Маркса. Марксъ принужденъ считать иллюзорными всѣ бывшія до сихъ поръ идеи и вѣрованія. Есть близость между Марксомъ и Фрейдомъ въ основномъ принципѣ. И тотъ и другой ставятъ себѣ цѣлью разоблачить иллюзорность сознанія, обманъ и ложь сознанія. За иллюзіей, обманомъ и ложью сознанія скрыты безсознательныя влеченія, у Маркса экономическіе классовые интересы и эксплуатація, у Фрейда сексуальныя влеченія, libido и связанныя съ этими влеченіями пораненія. Марксъ не знаетъ еще подсознательнаго, психологія его раціоналистическая, но онъ все время хочетъ разоблачать ложь сознанія, сознательныхъ идей и теорій. Но разоблачающій ложь и иллюзіи сознанія самъ долженъ себя сознавать въ истинѣ и знать путь побѣды истины надъ ложью, реальности надъ иллюзорностью. И вотъ Марксъ вѣритъ, что наступилъ часъ исторіи, когда истина должна раскрыться. Ему удалось, наконецъ, разоблачить иллюзіи и раскрыть истину, найти ключъ къ пониманію всемірной исторіи, добыть секретъ жизни человѣческихъ обществъ. Истина раскрылась ему, свѣтъ освѣтилъ тьму, въ которую было погружено все прошлое, потому что черезъ него мыслить и познаетъ истину классъ,

который призванъ быть освободителемъ человѣчества. Релятивизмъ преодолень, пролетарская истина не есть уже только отраженіе экономики, она есть абсолютная истина. Всѣ классы были заражены въ разныхъ формахъ грѣхомъ эксплуатаціи и потому истина была для нихъ закрыта. Само классовое строеніе общества выражало слабость человѣка, зависимость его отъ стихійныхъ силъ природы и стихійныхъ силъ самаго общества. Общество основанное на борьбѣ классовъ есть общество находящееся во власти ирраціональныхъ силъ, оно не владѣетъ собой. Религіозныя вѣрованія лишь отражаютъ слабость и беспомощность человѣка передъ силами природы, слабое развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ и зависимость человѣка отъ человѣка, рабство человѣка. Но вотъ образуется капиталистическое общество, которое Марксъ считаетъ самымъ злымъ и несправедливымъ. Въ немъ эксплуатація одного класса другимъ достигаетъ максимальной степени. Но это общество вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ производительныя силы человѣчества, создаетъ мощь и вызываетъ къ жизни новый классъ, до сихъ поръ не бывшій въ исторіи, классъ пролетаріата.

Пролетаріатъ есть единственный классъ свободный отъ первороднаго грѣха эксплуатаціи. Это есть классъ создающій всѣ матеріальныя цѣнности и блага, которыми живетъ человѣческое общество. Онъ эксплуатируется и угнетается, онъ самый обездоленный, лишенный орудій производства, находящійся въ рабской зависимости отъ капитала, но въ немъ нарастаетъ сила, мощь коллектива, которая обнаружится послѣ крушенія капиталистическаго общества. Пролетаріатъ есть классъ мессіанскій, призванный быть освободителемъ всего человѣчества, онъ даже тождественъ съ истиннымъ человѣчествомъ, онъ уже не только классъ, онъ перерастаетъ классовое общество. Ему откры-

вається істина і онъ осущестляе справедливостъ уже въ силу своего соціального положенія. Месіанская идея пролетаріата соединяе въ себѣ освободженіе угнетенныхъ, т. е. осуществленіе соціальной справедливости, съ достиженіемъ силы и могущества соціально организованнаго человѣчества. Въ побѣдѣ пролетаріата окончательнo восторжествуетъ соціальный раціонализмъ и овладѣетъ ирраціональными силами міра. Побѣда пролетаріата принесетъ съ собой окончательную раціоналізацію жизни, окончательную регуляцію и порядокъ, все ирраціональное, темное, таинственное будетъ изгнано изъ жизни. Анархія, которую Марксъ видѣлъ въ капиталистическомъ обществѣ, прекратится. Пролетаріатъ надѣляется всѣми добродѣтелями. Совершенно ясно, что «пролетаріатъ» Маркса не есть тотъ эмпирическій рабочій классъ, который мы наблюдаемъ въ дѣйствительности. Это есть идея-миѳъ, а не эмпирическая реальность. Пролетарскій миѳъ К. Маркса аналогиченъ демократическому миѳу Ж. Ж. Руссо, но по содержанію отъ него радикально отличается. Пролетарскій коммунизмъ принципиально противоположенъ формальной демократіи. Миѳъ о пролетаріатѣ обладаетъ огромной дѣйственной силой, онъ въ высшей степени динамиченъ и взрываютъ. Категорія «пролетаріата», образованная Марксомъ, есть прежде всего категорія аксіологическая, оцѣночная. «Пролетаріатъ» есть идея-миѳъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшая цѣнность, добро, справедливость, положительная мощь. Различеніе «пролетаріата» и «буржуазіи» не есть констатированіе эмпирическаго факта, наблюдаемаго въ такомъ видѣ въ дѣйствительности, это есть прежде всего оцѣнка, судъ. Сильный аксіологическій элементъ есть во всей марксовской теоріи классовой борьбы. Марксъ никогда не пришелъ бы къ концепціи класса и въ особенности пролетаріа-

та, если бы онъ не внесъ въ нее оцѣнку высоты и низости, «добра» и «зла». Въ марксизмѣ, какъ и во всякой крайней революціонной идеологіи, есть бессознательное переживаніе дуалистически-манихейскаго типа, рѣзкаго противоположенія царства добраго бога и царства злого бога. Дуализмъ этотъ будетъ преодолень съ побѣдой пролетаріата. Но самое важное въ ученіи Маркса о мессіанскомъ призваніи пролетаріата это то, что онъ перенесъ на пролетаріатъ свойства избраннаго народа Божьяго. Марксъ былъ еврей, отпавшій отъ вѣры отцовъ, но въ его подсознательномъ сохранились мессіанскія чаянія Израиля. Подсознательное всегда бываетъ сильнѣе сознанія. И вотъ для него пролетаріатъ есть новый Израиль, избранный народъ Божій, освободитель и устроитель грядущаго царства земного. Пролетарскій коммунизмъ Маркса есть секуляризованный древне-еврейскій хиліазмъ. Избранный народъ замѣняется избраннымъ классомъ. Научнымъ путемъ невозможно было прійти къ такой идеѣ. Это идея религіознаго порядка. Тутъ сердцевина религіи коммунизма. Мессіанское сознаніе всегда вѣдь древне-еврейскаго происхожденія, оно чуждо эллинской мысли. Таково и русское мессіанское сознаніе. Мессіанское чувство, мессіанское сознаніе. даетъ огромную силу, оно вдохновляетъ, вызываетъ энтузіазмъ, подвигаетъ на жертвы. Оно вдохновляетъ и соціалистическое рабочее движеніе. Если въ движеніи соціалъ-демократическомъ оно ослабѣло, если это движеніе обуржуазилось, то въ коммунизмѣ это мессіанское сознаніе очень сильно. У коммунистовъ есть острое чувство наступленія рокового часа исторіи, міровой катастрофы, послѣ которой начнется новая эра для человѣчества. Только при этомъ чувствѣ возможна нечеловѣческая энергія и активность коммунистовъ. Марксистская теорія *Zusammenbruch*'а капиталистическаго общества и

есть вѣра въ то, что наступитъ часъ страшнаго суда. Элементъ эсхатологическій очень силенъ въ революціонномъ коммунизмѣ. Близятся времена и сроки, происходитъ прорывъ во времени. Это есть то, что главный теоретикъ религіознаго социализма въ Германіи Тиллихъ обозначаетъ словомъ Kairos, какъ бы прорывъ вѣчнаго во время. Марксизмъ совсѣмъ не можетъ этого выразить въ терминахъ своей поверхностной матеріалистической философіи, но именно это есть въ его подпочвѣ, въ подсознательномъ. И въ этомъ его сила. Тутъ разрывается цѣль детерминизма, обнаруживается прерывность въ эволюціи, совершается скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы, кончается исторія и начинается сверхъ-исторія.

Въ русской революціи произошла встрѣча и соединеніе двухъ мессіанскихъ сознаний — мессіанства пролетаріата съ мессіанствомъ русскаго народа. Русскій народъ какъ-бы отождествился съ пролетаріатомъ, съ которымъ онъ совсѣмъ, конечно, не совпадаетъ эмпирически. Въ душѣ русскаго народа издревле глубоко запало мессіанское чувство великаго религіознаго призванія. Еще въ XV вѣкѣ инокъ Филоеѣй построилъ теорію о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Послѣ паденія Византійскаго царства русское царство осталось единственнымъ православнымъ царствомъ въ мірѣ, единственнымъ носителемъ истинной православной вѣры. Всѣ остальные народы измѣнили чистотѣ христіанской вѣры. Москва есть Третій Римъ, новый и послѣдній Римъ. Это мессіанское сознание осталось въ русскомъ народѣ на протяженіи столѣтій, претерпѣвая различныя метаморфозы. Оно претерпѣло трагическій надломъ въ религіозномъ расколѣ XVII вѣка и пріобрѣло новыя формы въ лѣвомъ крылѣ раскола. Оно перешло къ верхнему культурному слою XIX вѣка, къ русскимъ писателямъ и мыслителямъ. Оно въ секуля-

ризованной формѣ осталось у русскихъ революціонеровъ XIX вѣка и въ крайней формѣ выразилось у анархиста Бакунина. У Достоевскаго выразилось это мессіанское чувство въ идеѣ русскаго народа, какъ народа богоносца. Когда К. Леонтьевъ потерялъ вѣру въ положительное религіозное призваніе русскаго народа, то онъ началъ вѣрить, что русскій народъ родитъ изъ своихъ нѣдръ антихриста, т. е. все же обладаетъ мессіанствомъ, но темнымъ. И въ своей послѣдней, не только секуляризованной, но и совершенно обезбоженной формѣ русское мессіанство проявилось въ большевизмѣ, въ коммунизмѣ. И коммунизмъ русскій вѣритъ, что свѣтъ придетъ съ Востока, что свѣтъ русской революціи просвѣтитъ буржуазную тьму Запада. Русскій народъ не осуществилъ своей старой идеи Москвы, какъ Третьяго Рима. Императорская Россія была очень далека отъ того, чтобы походить на Третій Римъ. Но вмѣсто Третьяго Рима онъ осуществилъ Третій Интернаціональ. И въ этомъ Третьемъ Интернаціоналѣ произошло зловѣщее сочетаніе русской національной мессіанской идеи съ интернаціональной, пролетарской мессіанской идеей. Вотъ почему русская революція, вдохновленная пролетарской интернаціональной идеей, все-таки есть русская національная революція. Религія коммунизма не русскаго происхожденія, но она своеобразно преломилась въ русскомъ религіозномъ типѣ. Русскому же религіозному типу присуще эсхатологическое ожиданіе наступленія царства Божьяго на землѣ.

III

Коммунизмъ есть сложное явленіе и ему нельзя просто сказать «да» или «нѣтъ». Въ коммунизмѣ есть правда и есть ложь, жутко перемѣшенные.

И вотъ, если положить на чашу вѣсовъ правду и ложь коммунизма и посмотрѣть, что преваживаетъ, то мы увидимъ, что многое въ коммунизмѣ есть его правда и лишь одно есть его ложь. Но эта одна неправда столь безмѣрно превышаетъ всѣ его правды, что правды оказываются искаженными. Въ чемъ же правда коммунизма? Можно установить цѣлый рядъ положеній, въ которыхъ правда на сторонѣ коммунизма. Прежде всего это правда отрицательная, критика лжи буржуазно-капиталистической цивилизаціи, ея противорѣчій и болѣзней. И это есть также правда обличенія выродившагося, упадочнаго лже-христіанства, приспособленнаго къ интересамъ буржуазной эпохи исторіи. Но есть и положительная правда въ замыслѣ организаціи и регуляціи хозяйственной жизни общества, отъ которой зависитъ жизнь людей и которая не можетъ быть дальше предоставлена игрѣ индивидуальныхъ интересовъ и произволовъ. Идея плановаго хозяйства есть принципиально вѣрная идея. Либеральный принципъ формальной свободы въ хозяйственной жизни порождаетъ величайшія несправедливости и лишаетъ значительную часть человѣчества реальной свободы. Правда коммунизма въ томъ, что общество должно быть трудовымъ, обществомъ трудящихся, хотя коммунизмъ и не понимаетъ качественной іерархіи труда. Русскіе коммунисты, расклеивая на всѣхъ совѣтскихъ заборахъ слова: «не трудящійся да не ѣсть», вѣроятно не подозрѣвали, что слова эти принадлежатъ Ап. Павлу. Правда коммунизма въ томъ, что не должно быть эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и класса классомъ. Господство человѣка надъ стихійными силами природы не должно переходить въ господство человѣка надъ человѣкомъ. Правда, что распаденіе общества на классы, ведущіе между собой борьбу, должно быть преодолено и что классы должны быть замѣнены

профессіями. Правда, что политическій строй долженъ представлять реальныя хозяйственныя нужды и интересы людей, т. е. быть профессионально-трудовымъ. Съ этиѣ связана критика формальной демократіи. Политика должна служить экономикѣ. Это есть требованіе соціального реализма. Правда, что политика должна быть связана съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ. Политика обездушенная, не подчиненная великой идеѣ не можетъ зажигать души. Правда, что теорія и практика должны быть соединены въ цѣлостномъ типѣ культуры и жизни. Высшій культурный слой, элитъ не можетъ оставаться оторваннымъ отъ соціальной жизни, лишеннымъ соціального базиса, онъ долженъ служить соціальному цѣлому. Наконецъ, правда, что національный эгоизмъ и обособленность, порождающія вражду и войны, должны быть преодолены въ свернаціональной организаціи человѣчества. Коммунизмъ ставитъ передъ всѣмъ міромъ великую проблему радикальнаго соціального переустройства. Весь міръ горитъ, жаждетъ трансформациі, ищетъ новой, лучшей жизни. Сила коммунизма въ томъ, что онъ имѣтъ цѣлостный замыселъ переустройства жизни міра, въ которомъ теорія и практика, мышленіе и воля слиты. И въ этомъ коммунизмъ подобенъ средневѣковому теократическому замыслу. Коммунизмъ подчиняетъ жизнь отдѣльнаго человѣка великой міровой сверхличной цѣли. Онъ по новому возвращается къ пониманію жизни, какъ служенія, которое совершенно исчезло въ дехристіанизированную буржуазно-либеральную эпоху. Каждый молодой человѣкъ чувствуетъ себя строителемъ новаго міра. Пусть это будетъ строительство Вавилонской Башни, но оно наполняетъ жизнь послѣдняго изъ людей захватывающимъ сверхличнымъ содержаніемъ. Экономика есть уже не частное дѣло, а міровое дѣло. Человѣкъ принудительно освобождается отъ

частной жизни, онъ переустройстваетъ міръ. Необычно увлекаетъ молодежь, что міръ сталъ пластиченъ, что его можно какъ угодно лѣпить, какъ угодно переустроить. Индивидуальнаго человѣка коммунизмъ отрицаетъ, но коллективнаго человѣка онъ признаетъ всемогущимъ. Каждый человѣкъ призванъ къ коллективному переустройству міра. Тяжесть прошлаго, исторіи, традиціи, которыя такъ сильны на Западѣ, сброшены, твореніе міра начинается какъ-бы сначала. Сама свобода у народовъ Запада мѣшаетъ радикальному переустройству міра. Сохраненіе *status quo* даетъ ощущеніе свободы, измененіе же ощущается какъ насиліе. Свободу коммунизмъ понимаетъ совсѣмъ не какъ возможность избранія, возможность повернуть направо и налево, а исключительно какъ возможность реализовать свою энергію, рѣшивъ повернуть въ одну сторону. Свобода избранія кажется обезсиливающей, подрывающей энергію. Если сравнить совѣтскую Россію напр., съ Франціей, то можно сказать, что первая есть страна принужденія, вторая же есть страна свободы. Но въ странѣ свободы очень трудно соціально реформировать жизнь, самый принципъ формальной свободы сталъ консервативнымъ принципомъ. Это -- одинъ изъ парадоксовъ свободы. Въ русскомъ коммунизмѣ обнаружилось огромная витальная сила. Но ее нельзя отнести исключительно на счетъ коммунизма, который есть лишь условная символика, это есть прежде всего витальная сила русскаго народа, сила раньше скованая и теперь расковавшаяся.

Но ложь коммунизма болѣе велика, чѣмъ его правда. Она исказила и его правду. Это есть прежде всего ложь духовная, а не соціальная. Ложень и ужасенъ самый духъ коммунизма. Духъ этотъ есть отрицаніе духа, отрицаніе духовнаго начала въ человѣкѣ. Ложь коммунизма есть ложь безбо-

жія. Отсюда все вытекаетъ. Безбожіе не можетъ пройти даромъ. Отсюда и безчеловѣчіе коммунизма. Отрицаніе Бога приводитъ къ отрицанію чело-вѣка. Коммунизмъ не останавливается въ сред-немъ и переходномъ гуманистическомъ царствѣ. Онъ отвергъ Бога не во имя чело-вѣка, какъ то часто бывало, а во имя третьяго принципа, во имя соціального коллектива, новаго божества. Комму-низмъ послѣдовательно отвергъ то, что называютъ христіанскимъ «миѳомъ». Гуманизмъ не дошелъ до послѣдовательнаго и окончательнаго его отвер-женія. Христіанскій «миѳъ» есть не только миѳъ о Богѣ, но также и миѳъ о чело-вѣкѣ, богочеловѣ-ческій миѳъ. Сначала хотѣли отвергнуть только одну половину христіанскаго «миѳа», «миѳъ» о Богѣ. «Миѳъ» же о чело-вѣкѣ оставили. Идея цен-тральности и верховенства чело-вѣка есть остатокъ христіанскаго «миѳа». Чело-вѣкъ есть Божья идея и Божье твореніе, образъ и подобіе Божье. Въ этомъ его высшее достоинство и безусловное зна-ченіе. Діалектика гуманистическаго процесса бы-ла такова, что сначала отвергли Бога, но образъ и подобіе Божье въ чело-вѣкѣ еще оставили и на этомъ основывали безусловное значеніе чело-вѣка. Это съ необычайной силой и остротой выражено въ антропологической філософіи Л. Фейербаха. Бо-га онъ отвергъ, теологію замѣнилъ антропологіей, но чело-вѣкъ у него обладаетъ еще божественными свойствами. Чело-вѣкъ творитъ Бога по своему об-разу и подобію. Но это есть лишь вывернутая на изнанку христіанская истина о твореніи чело-вѣка по образу и подобію Божьему. Христіанскій «миѳъ» о чело-вѣкѣ у Фейербаха остается, філософія Фейер-баха безбожна, но не безчеловѣчна. Антропоцен-трическій миѳъ еще христіанскаго происхожденія, Марксъ вышелъ изъ Фейербаха и усвоилъ себѣ всѣ аргументы фейербаховскаго атеизма. Но онъ пошелъ гораздо дальше въ разрушеніи христіан-

скаго теоандрическаго «миѳа». У него нѣтъ уже фейербаховской вѣры въ человѣка, какъ божество. Онъ утверждаетъ не антропоцентризмъ, а соціоцентризмъ или пролетароцентризмъ. У него не остается уже въ человѣкѣ образа и подобія Божьяго. Человѣкъ есть образъ и подобіе общества. Онъ цѣликомъ продуктъ соціальной среды, экономики своей эпохи и класса, къ которому принадлежитъ. Человѣкъ есть функція общества и даже только функція класса. Человѣка нѣтъ, есть лишь классъ. И когда не будетъ уже классовъ, тогда также не будетъ человѣка, будетъ соціальныи коллективъ, коммунистическое общество. Таковъ послѣдній результатъ отрицанія Бога, отрицанія образа и подобія Божьяго въ человѣкѣ, духовнаго начала въ человѣкѣ. Всѣ отрицательныя стороны коммунизма отсюда вытекаютъ. Коммунизмъ есть соціальная идолитрія. Отрицаніе живого Бога всегда ведетъ къ созданію ложныхъ боговъ. Соціальныи коллективъ, которому воздаются божескія почести, замѣняетъ собой и Бога и человѣка. Центръ сознанія перемѣщается. Нѣтъ уже личной совѣсти, личнаго разума, нѣтъ уже личной свободы. Есть только совѣсть коллектива, разумъ коллектива, свобода коллектива. Очень поучительна въ этомъ отношеніи автобіографія Л. Троцкаго, очень эгоцентрическая, но и очень талантливая, повѣствующая о драматической судьбѣ революціонной личности въ революціонномъ коллективѣ. Троцкій послѣ Ленина главный творецъ большевистской революціи. Онъ очень типичный революціонеръ. Но онъ не настоящій коммунистъ, не до конца коммунистъ. Онъ еще допускаетъ возможность индивидуальнаго мнѣнія, индивидуальной критики, индивидуальной инициативы, онъ вѣритъ въ роль героическихъ революціонныхъ индивидуальностей и себя, конечно, причисляетъ къ таковымъ. Онъ не понимаетъ того, что можно

было бы назвать мистикой коллектива и что и есть самая жуткая сторона коммунизма.

Изъ безбожія и безчеловѣчія коммунизма вытекають всѣ его неправды. Неправда кроваваго насилія, которымъ онъ хочетъ осуществить соціальную праду, неправда тираніи, которой не можетъ потерпѣть достоинство человѣка. Допущеніе какихъ угодно средствъ для осуществленія своей цѣли, которую почитаютъ высшей и единственной. Злоба, ненависть и месть, какъ путь осуществленія совершенной жизни, братства людей. Въ ученіи Маркса былъ демоническій элементъ, который и опредѣлилъ непобѣдимый динамизмъ этого ученія. Марксъ вѣрилъ, что добро можетъ быть осуществлено черезъ зло, что свѣтъ можетъ быть добытъ черезъ тьму, что свобода произойдетъ отъ необходимости. Зло должно возрастать, тьма должна сгущаться. Такъ понималъ онъ діалектику общественнаго процесса. Положеніе рабочихъ должно ухудшиться въ капиталистическомъ обществѣ (*Vereledungstheorie*), рабочіе должны все болѣе и болѣе озлобляться и проникаться мстительными и насильническими чувствами. На этомъ основано революціонно-мессіанское упованіе Маркса. Марксъ хотѣлъ, чтобы рабочій классъ, который есть эмпирическая реальность, проникся пролетарскимъ сознаниемъ. Но когда онъ проникается пролетарскимъ сознаниемъ, тогда у него возрастаетъ чувство *ressentiment*, обиды, зависти, ненависти, месть. Необходимо дѣлать различіе между «рабочимъ» и «пролетаріемъ». Рабочій есть трудящійся, трудъ же священенъ. Положеніе рабочаго тяжелое и оно должно быть улучшено. Необходимо бороться за освобожденіе рабочихъ отъ рабства. Но пролетарій не есть просто рабочій, это рабочій, который проникнуть мессіанской идеей пролетаріата, его грядущей силой. Пролетаріатъ совсѣмъ не есть эмпирическая реальность, пролетаріатъ есть идея.

И въ этой своей сторонѣ марксизмъ, исповѣдующій сознательно самый наивный матеріализмъ, есть крайній идеализмъ. Онъ хочетъ подчинить дѣйствительность «идеѣ» и эта «идея» насилуетъ и калѣчитъ дѣйствительность. Не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально матеріалистическую символику коммунизма, она условна и есть лишь борьба противъ религіи и христіанства. Въ дѣйствительности коммунизмъ очень спиритуаленъ и идеалистиченъ. Самый матеріализмъ коммунизма есть спиритуальнень и идеалистическій матеріализмъ, въ которомъ сама матерія не играетъ почти никакой роли. И эта спиритуальность есть темная, безбожная спиритуальность. Обвинять коммунистовъ нужно въ томъ, что они слишкомъ люди «идеи», а не въ томъ, что они недостаточно люди «идеи». Для нихъ не существуетъ живой человеческой личности. Безспорно коммунизму свойствененъ крайній, совершенно кошмарный экономизмъ, который вытѣсняетъ всѣ остальные стороны жизни и подавляетъ жизнь. Совѣтскіе коммунистическіе органы печати наполнены исключительно экономикой, въ нихъ нѣтъ ничего другого. Но это совсѣмъ особаго рода экономика, это экономика спиритуальная и метафизическая, замѣняющая Бога и духовную жизнь, обнаруживающая подлинное бытіе, сущность вещей. Самый экономизмъ не Марксъ выдумалъ, какъ не онъ выдумалъ и матеріализмъ. Матеріализмъ взять имъ изъ буржуазной просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Экономизмъ взять имъ изъ капиталистическаго общества XIX вѣка. Но марксизмъ придалъ этому экономизму метафизическую и даже религіозную окраску. Съ нимъ связываются мессіанскія упованія. Пятилѣтка, которая ставитъ себѣ прозаическую цѣль индустриализаціи Россіи и объективно совсѣмъ не есть социализмъ, а государственный капитализмъ, переживается съ религіознымъ

паѳосомъ. Извращеніе іерархіи цѣнностей произошло уже въ буржуазно-капиталистическомъ обществѣ. Въ немъ уже отрицались духовныя цѣнности, какъ верховныя. Въ немъ уже произошло качественное пониженіе уровня культуры. Это общество уже поклонилось мамонѣ. То исключительное значеніе, которое пріобрѣтаетъ техника въ коммунистическомъ строительствѣ, взято изъ индустриально-капиталистической цивилизаціи, часто есть подражаніе Америкѣ. Но въ коммунизмѣ увлеченіе техникой получаетъ зловѣщій эсхатологическій оттѣнокъ. Коммунизмъ раздирается основнымъ противорѣчіемъ: онъ вдохновляетъ міровой идеей переустройства міра, вызываетъ нечеловѣческую энергію и внушаетъ энтузіазмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ осуществляетъ сѣрый, скучный земной рай, бюрократическое царство, въ которомъ все будетъ рационализировано и не будетъ уже тайны и безконечности. Экономизмъ оказывается послѣднимъ удѣломъ человѣка, внѣ этого нѣтъ уже никакой жизни, никакого бытія. Окончательно убиваются великія идеи Бога и человѣка и съ ними падаетъ все содержаніе человѣческой жизни, остается лишь экономика и техника.

Невозможно понять коммунизмъ, если видѣть въ немъ только соціальную систему. Страстность антирелигіозной пропаганды и антирелигіозныхъ гоненій въ совѣтской Россіи можно понять, если увидѣть въ коммунизмѣ религію, которая хочетъ замѣнить собой христіанство. Лишь религіи свойственно притязаніе быть носительницей абсолютной истины, на это не можетъ притязать никакое политическое и экономическое направленіе. Лишь религія можетъ быть эксклюзивной. Лишь религія знаетъ обязательный для всѣхъ катехизисъ. Лишь религія можетъ притязать на обладаніе всей человѣческой душой до самой глубины. Никакая политика, никакое государство не можетъ на это

притязать. Коммунизмъ гонитъ всѣ религіи, потому что онъ самъ есть религія. Сознвая себя единственной истинной религіей, онъ не можетъ терпѣть на ряду съ собой другихъ ложныхъ религій. И онъ есть религія, которая хочетъ осуществить себя силой и принужденіемъ, не считаясь съ свободой человѣческаго духа. Это есть религія царства этого міра, послѣдняго и окончательнаго отрицанія міра потусторонняго, отрицанія всякой духовности. Именно поэтому и самый матеріализмъ дѣлается спиритуальнымъ и мистическимъ. Коммунистическое государство совсѣмъ не есть обыкновенное свѣтское, секуляризованное государство. Это есть государство священное, «теократическое», берущее на себя выполненіе функций, которыя принадлежатъ церкви. Оно формируетъ человѣческія души, сообщаетъ имъ обязательное вѣроученіе, требуетъ всей души, требуетъ, чтобы ему воздавалось не только «кесарево», но и «Божье». Очень важно понять этотъ лже-теократическій характеръ коммунистическаго государства. Имъ опредѣляется вся его структура. Это есть система крайнаго соціальнаго монизма, въ которомъ нѣтъ различія между государствомъ, обществомъ и церковью. Поэтому никакой церкви это государство не можетъ терпѣть на ряду съ собой или можетъ терпѣть лишь временно и по соображеніямъ оппортунистическимъ. Старое христіанское теократическое государство тоже не могло терпѣть на ряду съ собой никакой другой религіи и церкви. Это находилось въ существенномъ противорѣчьи съ христіанской свободой духа и являлось источникомъ крушенія теократіи. Коммунистическая «теократія» болѣе послѣдовательна, ибо свобода духа не входитъ во вдохновляющую ее вѣру.

Христіанство не осуществило своей правды въ полнотѣ жизни. Христіанство осуществило себя или условно-символически въ теократіяхъ, ко-

торыя не хотѣли знать свободы, т. е. основного условія всякой подлинной реализаціи, или практиковало систему дуализма, какъ въ новой исторіи, когда власть христіанъ ослабѣла. И потому явился коммунизмъ, какъ кара и напоминаніе, какъ извращеніе какой-то подлинной правды. Въ коммунизмѣ есть эсхатологическій моментъ. Апокалипсисъ означаетъ не только откровеніе конца исторіи. Существуетъ также апокалипсисъ внутри исторіи. Конецъ всегда близокъ, время всегда соприкасается съ вѣчностью. Міръ нашего времени совсѣмъ не есть абсолютно замкнутый міръ. Но бываютъ времена, когда это стояніе времени передъ вѣчностью острѣе чувствуется. Эсхатологическій моментъ означаетъ не только судъ надъ исторіей, но и судъ внутри исторіи. Коммунизмъ есть такой судъ. Правда, которая не хотѣла себя осуществлять въ красотѣ, въ Божьей красотѣ, осуществляется въ уродствѣ. Тутъ мы стоимъ передъ очень интереснымъ феноменомъ. Русскіе коммунисты впервые въ исторіи попытались осуществить въ жизни коммунистическую идею (1). Но какъ они вошли въ жизнь, съ какими душевными чертами, съ какимъ выраженіемъ лица? Они вошли съ чертами необыкновеннаго душевнаго и нравственнаго уродства, необыкновенной безблагодатности. Благодать красоты не осѣнила ихъ прихода въ жизнь. Поэтому у коммунистовъ есть *ressentiment*, они раздражены тѣмъ, что производятъ безобразное впечатлѣніе. Все оказалось уродливымъ: уродливое выраженіе лица, уродливые жесты, уродливо-неблагородный душевный укладъ, уродливый укладъ совѣтскаго революціоннаго быта. Это имѣетъ глубокій онтологическій смыслъ. Пусть въ коммунизмѣ есть большая социальная правда. Я убѣжденъ, что она есть. Но уродство въ

*) До этого бывали частичныя коммунистическія вспышки.

осуществленіи этой правды означаетъ, что она смѣшалась съ большой неправдой, что Богъ отошелъ отъ путей ея осуществленія. Уродство есть всегда знакъ онтологическаго поврежденія. Ибо подлинное просвѣтленное и преображенное, облагодатовствованное бытіе есть красота. Въ русской коммунистической революціи совсѣмъ нѣтъ красивыхъ театральныхъ жестовъ великой французской революціи, нѣтъ красивой риторики. Русскій народъ вообще не театраленъ и не риториченъ. Ленинъ писалъ и говорилъ умышленно некрасиво и грубо, безъ всякихъ украшеній. Въ этомъ сказался аскетизмъ и бѣдность русскаго нигилизма. Л. Троцкій кажется единственный человѣкъ въ русской революціи, который дорожитъ красивымъ жестомъ и театральностью, который хочетъ сохранить красоту образа революціонера. Но въ уродствѣ русскихъ коммунистовъ есть и своя положительная сторона, въ немъ есть правда о неправдѣ и есть симптомъ неправды въ путяхъ осуществленія правды. Это совсѣмъ, конечно, не значитъ, что тѣ, которые противостоятъ коммунизму, всегда отличаются красотой.

IV.

Что противопоставить коммунизму, какъ бороться съ нимъ? То, что обычно ему противопоставляютъ, и то, какъ обычно съ нимъ борются, скорѣе укрѣпляетъ коммунизмъ, чѣмъ ослабляетъ его, и даетъ новые аргументы его защитникамъ. Въ коммунизмѣ страшнѣе всего смѣшеніе правды и лжи. И потому важнѣе всего не отрицать правду, а отдѣлять ее отъ лжи. Коммунизму нельзя противопоставить никакихъ реставрацій, нельзя противопоставить капиталистическое общество и буржуазную цивилизацію XIX и XX вѣка. Индивидуалистическіе и либеральные принципы совершенно

уже изжиты и въ нихъ нѣтъ уже витальной силы. Когда относительныя начала претендуютъ на абсолютное значеніе, то противопоставить имъ нужно прежде всего подлинныя абсолютныя начала, а не другія относительныя начала, тоже претендующія на абсолютное значеніе. Когда время возстаетъ противъ вѣчности, то противопоставить ему можно лишь самую подлинную вѣчность, а не другое время, уже вызвавшее противъ себя бурную реакцію и не безъ основанія ее вызвавшее. Противопоставить коммунизму нельзя идеи, противопоставить можно лишь религиозныя реальности. Марксизмъ разоблачилъ ложь возвышенныхъ идей въ исторіи. Марксизмъ ложенъ не потому, что эти возвышенныя идеи правятъ исторіей. Старый идеализмъ конченъ. Марксизмъ ложенъ потому, что существуетъ Богъ, какъ потрясающая реальность, что Ему принадлежитъ сила и послѣднее слово. Противопоставить интегральному коммунизму, коммунизму матеріалистическому можно лишь интегральное христіанство, не риторическое разорванное и упадочное христіанство, а христіанство возрожденное, осуществляющее свою вѣчную правду въ замыслѣ цѣлостной жизни, цѣлостной культуры, цѣлостной соціальной правды. Все будущее христіанскихъ обществъ зависитъ отъ того, откажется ли рѣшительно христіанство или вѣрнѣе христіане отъ поддержанія капитализма и соціальной неправды, станетъ ли христіанское челоувѣчество на путь осуществленія во имя Бога и Христа той правды, которую коммунисты осуществляютъ во имя безбожнаго коллектива, во имя земного рая. Если рабочіе классы представляютъ исключительно благопріятную почву для усвоенія яда безбожія, если воинствующій атеизмъ сталъ именно «опіумомъ для народа», то первыми виновниками тутъ являются совсѣмъ не агитаторы революціоннаго соціализма, — виновники сами хри-

стіане, виновенъ старый христiанскій міръ. Не христiанство виновато, а христiане, которые слишкомъ часто бывали лже-христiанами. Добро, которое не осуществляетъ себя въ жизни, которое превратилось въ условную риторику и прикрываетъ собой дѣйствительное, реальное зло и несправедливость, не можетъ не вызывать противъ себя бунта и бунта справедливаго. Христiане буржуазной эпохи исторiи создали для рабочаго класса очень тяжкія ассоціаціи, они нанесли съ трудомъ не поправимый вредъ дѣлу Христову въ душахъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. Положеніе христiанскаго міра передъ лицомъ коммунизма есть не только положеніе носителя вѣчной и абсолютной истины, но также положеніе виновнаго, своей истины не реализовавшаго и ей измѣнившаго. Коммунисты свою истину реализуютъ и этотъ фактъ они могутъ всегда противопоставить христiанамъ. Правда, христiанскую истину гораздо труднѣе реализовать, чѣмъ истину коммунистическую. Отъ христiанъ требуется гораздо больше, а не меньше, чѣмъ отъ коммунистовъ-матеріалистовъ. И если они исполняли меньше, а не больше, то въ этомъ не виновата сама истина христiанства. Историческая трагедія въ томъ, что подлинному христiанству, повидимому, никогда не можетъ принадлежать господства и власти въ этомъ мірѣ. Господство и власть принадлежать лжи - христiанству. Міръ уходитъ отъ христiанства.

Между тѣмъ какъ только на почвѣ христiанства можно преодолѣть мучительный конфликтъ между личностью и обществомъ, который коммунизмъ рѣшаетъ въ сторону окончательнаго подавленія личности обществомъ. Также лишь на почвѣ христiанства можно преодолѣть не менѣе мучительный конфликтъ аристократическаго и демократическаго принципа въ культурѣ, который коммунизмъ рѣшаетъ въ сторону окончательнаго низвер-

женія аристократическаго принципа культуры. На почвѣ материалистическаго коммунизма человечеству грозитъ совершенное обезличеніе и совершенное истребленіе благородства культуры. Христіанство знаетъ тайну сочетанья личнаго и общественнаго, аристократическаго и демократическаго. Христіанство раскрываетъ абсолютное благородство дѣтей Божьихъ и оно обращено ко всякой человѣческой душѣ, ко всему человечеству. На почвѣ безрелигіозной или аристократія угнетаетъ и эксплуатируетъ демократію или демократія вульгаризируетъ души, понижаетъ уровень культуры, истребляетъ благородство. Интегральное христіанство можетъ принять всю правду коммунизма и отвергнуть всю его ложь. Если въ мірѣ не будетъ христіанскаго возрожденія и при томъ возрожденія не элита только, а и широкихъ народныхъ массъ, то безбожный коммунизмъ побѣдитъ во всемъ мірѣ. Будетъ ли такъ, мы не знаемъ, это тайна свободы. Для слишкомъ большого оптимизма нѣтъ основаній. Христіанству предстоитъ еще создать новый типъ святости въ самой гуще міра. Будущее все равно принадлежитъ рабочимъ массамъ, трудящимся, это неотвратимо и въ этомъ есть правда. И весь вопросъ въ томъ, какого эти массы будутъ духа, во имя чего они будутъ творить новую жизнь, во имя Бога и Христа, во имя духовнаго начала въ человѣкѣ или во имя обожествленной матеріи, во имя обожествленнаго человѣческаго коллектива, въ которомъ исчезнетъ и самый образъ человѣка, умеряетъ человѣческая душа. Русскій народъ поставилъ эту проблему передъ всѣмъ міромъ.

Н и к о л а й Б е р д я е в ъ .